

УДК 811.111'42

КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ LINGUISTICUS-ШУТНИКА, ИЛИ УЧЕНЫЕ-ЛИНГВИСТЫ СМЕЮТСЯ

В.А. Самохина (Харьков, Украина)

«Остроумен тот, кто шутит со вкусом» (Аристотель)

В.А. Самохина. Креативная личность Linguisticus-шутника, или ученые-лингвисты смеются. Основой для статьи послужила лингвостилистическая палитра комических текстов, представленных интеллектуальными острословами – выдающимися филологами-лингвистами. Описана специфика лингвиста-шутника как остроумной языковой личности в рамках карнавальной традиции, которая определяется как постоянный карнавализованный диалог. Лингвисты выступают в «маске комика», демонстрируя комическую языковую игру, основным принципом которой является нарушение норм.

Основные средства создания экспрессивности юмористического текста – подтекст, ассоциативность, установка на восприятие и интерпретацию комического. Выделяются базовые дискурсивные черты креативного лингвиста-шутника: отличное чувство юмора, эрудиция, поиск нового, творческий подход, остроумие, развитое мышление. Рассмотрены формы лингвистического юмора – этимологические мифы, научные пародии, лингвистические каламбуры, комические мемуары, шутки.

Ключевые слова: карнавальная культура, лингвистический юмор, лингвист-шутник, острота, остроумие, чувство юмора, шутка.

В.О. Самохіна. Креативна особистість Linguisticus-жартівника, або вчені-лінгвісти сміються. Основою для статті стала лінгвостилістична палітра комічних текстів, представлених інтелектуальними гострословами – видатними філологами-лінгвістами. Описано специфіку лінгвіста-жартівника як дотепної і мовної особистості в рамках карнавальної традиції, яка визначається як постійний карнавалізований діалог.

Лінгвісти виступають у «масці коміка», демонструючи комічну мовну гру, головним принципом якої є порушення норм. Основні засоби створення експресивності гумористичного тексту – підтекст, асоціативність, настанова на сприйняття і інтерпретацію комічного. Виділяються базові дискурсивні риси креативного лінгвіста-жартівника: відмінне почуття гумору, ерудиція, пошук нового, творчий підхід, дотепність, розвинуте мислення. Розглянуто форми лінгвістичного гумору – етимологічні міфи, наукові пародії, лінгвістичні каламбури, комічні мемуари, жарти.

Ключові слова: гострота, дотепність, жарт, карнавально культура, лінгвістичний гумор, лінгвіст-жартівник, почуття гумору.

V.O. Samokhina. A creative personality of the Joking linguist, or linguists say in jest. The basis for the article has become linguostylistic range of expression in comic texts, which are produced by intellectual wise-crackers – eminent linguists. Specific character of the joking linguist as a witty lingual personality is described within the limits of carnival tradition, which defined as constant carnival dialogue.

Linguists act in the “mask of the comic”, demonstrating comic language game, the main principle of which is derivation from a norm. The basic means of creating expressiveness of the humorous text are implication, association, aim to perceive and interpret the comic element. Basic discursive traits of the creative Joking linguist have been singled out: excellent sense of humour, erudition, search of the new, creative approach, wit, developed thinking. Forms of linguistic humour have been considered. They are – etymological myths, scientific parodies, linguistic puns, comic memoires, jokes.

Key words: carnival culture, joke, joking linguist, linguistic humour, sense of humour, wit, witticism.

1. Введение

Высказанная Софоклом много веков назад мысль «Много чудес есть на свете, но человек из них – самый чудесный», сегодня не потеряла своей актуальности. Феномен Лингвиста-хохмящего рассматривается как функция человеческой души, которая раскрывается в смеховом порыве. **Целью** работы является осмысление проблем, связанных с языковой личностью шутящего лингвиста, что дает мощный толчок для **теоретических размышлений**, добавляя к ним ценную **фактологическую основу**, ведь Его творчество как юмориста – это новаторское, интеллектуальное искусство в карнавальной культуре современного общества.

Актуальность статьи обеспечивает **объект** исследования – лингвистический юмор ученых-языковедов, являющихся остроумными субъектами – создателями комических текстов, лингвостилистическая палитра которых (**предмет изучения**) отличается разнообразием языковых средств употребления. Языковая личность лингвиста-шутника рассматривается **впервые**. В ней выявляется интеллектуальное остроумие, эрудиция авторов-создателей шуток, умение подметить противоречия, обнаружить истину в парадоксе, необычайная самокритичность, *креативность*, которая часто основывается на когнитивном механизме инконгруэнтности. Как отмечает В.И. Карасик, одной из характеристик креативного дискурса является парадоксальность, неожиданность выводов. Нельзя не отметить в этой связи еще один момент креативности мышления: оно даёт участникам коммуникации неповторимое чувство интеллектуальной радости [Карасик 2010: 13–14]. Креативность свойственна повседневному общению. На основе повседневности возникает самая распространенная форма креативности – игра [там же: 17]. О.К. Ирисханова рассматривает языковое творчество как «континуум разнообразных нововведений» [Ирисханова 2009: 168].

2. Особенности карнавального диалогизма

Вопрос о диалогичности *слова* является главной особенностью карнавального диалогизма, в котором содержится огромный комический потенциал, позволяющий говорить о специфике его роли и места в карнавальном сознании *индивида*. В исторической перспективе карнавальный диалог как способ бытия людей постоянно меняется, наполняется новым содержанием и новыми формами, о которых писал М.М. Бахтин. И – это способность к шутливости великих писателей и ученых, у которых карнавальность может рассматриваться как отдельный творческий метод автора, как определенное видение действительности. В.Гете писал о значении разума, анализа и творческой деятельности того, кто создает произведение [Гете 1936: 11–14], т.е. подчеркивал значение рационального момента для возникновения новации в искусстве, в частности, в творчестве. В работе «Леонардо да Винчи» З. Фрейд акцентировал внимание на проблеме «раздвоения» личности. В ней присутствует творец и ученый (выделено нами. – В.С.) с их специфическими способами мышления [Левчук 2002: 163]. Такая раздвоенность не мешает, а способствует лингвисту-юмористу создавать интересные комические произведения.

Диалогический принцип в карнавальном дискурсе юмора предполагает диалектическое взаимодействие и интерпретацию комического «действия» как фундаментального основания подлинных человеческих взаимоотношений [Самохина 2015: 123]. Карнавальная модель мира – это особое мироощущение, ее смеховые варианты развиваются диалектически – от «классических» средневековых праздничных карнавальных шествий, масленичных, пасхальных и прочих праздников – до современных эстрадных представлений, стендап-комедий, юмористических ток-шоу, кухонных посиделок с анекдотами и песнями, интернет-«скоморошество», блогов-стёбов, организованных на начале смеха, «мира наизнанку», где действительность подана в обратном, смеховом порядке и противопоставлена серьезной норме. Поэтому современный карнавал перестал быть временным. Это – постоянный

процесс присутствия карнавальных элементов в культуре, искусстве и человеческой природе. Одна из форм карнавала – письменная – это его художественная переработка и интерпретация в авторском контексте смеховой культуры, где автор использует «механизм карнавальности»: карнавальные темы, сюжеты, образы, индивидуальный комический стиль. Карнавальная личность – вечно незавершенная, пребывающая в непрерывном становлении, имеющая еще и скрытые возможности. «Главное, что отличает карнавальную личность – это карнавальное мировосприятие с формами бытового смеха, который может быть непричастен к искусству» [Семенова 2013: 149–158].

В развитии философии диалога М.М. Бахтин выделяет так называемый «карнавализованный диалог», который интерпретируется как «двухголосовое слово» и «мир как спектакль» [Бахтин 1965]. Этот диалог-карнавал он отмечает у *писателей и ученых*: «Вокруг каждого великого писателя создаются народные карнавальные легенды, переряживающие его в шута» [Бахтин 2000: 259]. Так, Пушкина эти легенды превращали в придворного шута Балакирева. Существует даже карнавальный Данте [там же: 259–260]. Силою своей фантазии Гейне, подобно Аристофану, выворачивает мир наизнанку, смешивает границы логичного с нелогичным [там же: 261]. Роль оксюморных словосочетаний (однопланых и двупланых) в поэзии Гейне [там же: 262]. В предисловии к «Германии» Гейне говорит, что «звон погремушек юмора» кое-где сглаживает серьезные тона» [там же]. Исключительная любовь Галилея к комическому, притом к гротескному. Особенно он ценил Франческо Берни и Руццанте (Анджело Беалько). Комические хвалы Берни (блазоны), создавшие целую школу, представители которой прославляли сифилис, штаны, слюну, различные блюда (колбасу) и овощи. Сам Берни прославил чуму (болезнь). Подражая Берни, Галилей сочинил в 1589 году шуточное стихотворение на тему о тоге (профессорской). Руццанте – автор деревенских комедий. В 1604 году Галилей вместе со Спинелли написал в стиле Руццанте диалог о новой звезде (беседа двух пастухов). Высмеивание схоластических противников и изложение в шаржированном виде только еще зарождающихся идей Коперника [там же: 263].

2.1. Лингвист-шутник в маске комика

Языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью [Караулов 1987]. Языковые личности противопоставляются по аспектам коммуникативной компетентности (уровни, по Г.И. Богину). Вслед за Г.И. Богиним выделяются люди с низким, средним и высоким уровнями языковой компетенции. В качестве критериев такой компетенции выступают богатство или бедность вокабуляра, владение разными жанрами и стилями речи, умение планировать свою речь [Богин 1984]. *Личность ученого* непосредственно связывается с его опытом/социализацией, освоением новой информации, творческим подходом, расширением кругозора, постоянным процессом познания, прогрессом в усвоении знаний, что позволяет говорить о проблеме активности интеллектуального субъекта как субстанциональной основе деятельности. Современная (модерная) личность отличается открытостью к экспериментам, инновациями, индивидуализацией как способом адаптации к обстоятельствам, готовностью к мобильности и др. [Маховская 2010: 28–29].

Согласно словарю С.И. Ожегова, *лингвист* – это специалист по лингвистике, языковед. В силу своего образования и места работы (вуз), лингвист является ученым, нередко *остроумной* языковой личностью, которой присуща парадоксальность, игра смысловых ассоциаций, выражающаяся вербализацией идеи. Это не означает, однако, что каждый лингвист-ученый является остроумной языковой личностью [Ожегов 1992: 804]. Д. Викберг отмечает, что в XX в., «желая пояснить, что означает «иметь чувство юмора», по большей

части отталкивались от того, что означает «не иметь чувства юмора». Если говорили, что у кого-то нет чувства юмора, то имели в виду, что этот человек чрезмерно серьезный, фанатичный или эгоистичный, упрямый, ярый сторонник крайних взглядов. Отсутствие чувства юмора рассматривалось как характерная особенность некоторых форм психических заболеваний (особенно шизофрении), указывающая на неуравновешенность и паранойю [цит. по: Мартин 2009: 46].

Лингвистически релевантные типы языковых личностей противопоставляются на основании критерия уровня языковой культуры. В саратовской лингвистической школе принято говорить об *элитарных языковых личностях* [Сиротинина 1974]. Выделяются элитарные и массовые (обычные) языковые личности. Важно подчеркнуть, что элитарная языковая личность характеризуется не только богатством вокабуляра, владением сложными вторичными жанрами речи (по М.М. Бахтину), но и высоким уровнем образованности. В развитие этой позиции можно противопоставить два типа элитарных языковых личностей – творцов и экспертов. К первым относятся писатели, ученые, публицисты, мастерски использующие язык как средство воздействия, ко вторым – редакторы, педагогическое словоесники, лексикографы, люди с высоким языковым вкусом и тонким чутьем. Языковой вкус, по-видимому, является врожденной характеристикой человека, хотя может быть развит до приемлемой степени у всех людей с высоким уровнем языковой креативности [цит. по: Карасик, Ярмахова 2006: 29].

Филологи-хохмачи подразделяются на четыре группы: те, которые: а) сами сочиняют юмористические произведения (Ю.А. Зацный, А.М. Калюта, Л.Е. Кройчик, И.А. Мельчук, И.А. Стернин, Ю.А. Левицкий, В.Г. Гак, А.К. Жолковский, А.К. Киклевич); б) собирают шутки или публикуют их в сборниках (Ю.Б. Боров, Г.Г. Почепцов, А.Н. Приходько, Л.Л. Столович); в) анализируют юмор в виде многочисленных шуток в своих научных работах (И.К. Кобякова, В.И. Карасик, В.И. Шаховский, А.Э. Левицкий, А.А. Сычев, С.А. Швачко, Ю.Б. Норман, О.В. Харченко, Т. Огард, В.А. Самохина); г) «творят» спонтанные шутки (Е.А. Кравченкова, Ю.В. Роговнева, Н.К. Рязанова).

Л.Л. Столович в разделе «Смех и мудрость» отмечает, что библейская Премудрость Божия на иврите обозначается словом *hochmbh*, хохма. Библейская Хохма – Мудрость соответствует греческому понятию Софии (мудрость по-гречески), осмысленной мистической философией [Столович 1999: 244]. В.С. Соловьев писал, что «в канонической книге «Притчей Соломоновых» мы встречаем развитие этой идеи Софии (под соответствующим еврейским названием Хохма)» [Соловьёв 1989: 109]. Может возникнуть вопрос: какое это имеет отношение к тому, что сейчас называют *хохмой*? Разве того, кого именуют *хохмачом*, можно считать мудрецом? [Столович 1999: 224]

И всё же в том, что вошедшее в русский язык слово «хохма» (в современном «Словаре русского языка» это слово характеризуется как «остроумная весёлая шутка, что-либо очень смешное»; наверное, русификации «хохмы» содействовало её созвучие со словом «хохотать») по своему происхождению связано с библейской *Хохмой* на иврите, есть свой смысл. В каждой шутке, говорят, есть доля шутки. Другой долей может быть глупость или мудрость. В каждой хорошей шутке есть доля мудрости. Юмор – веселый сын Мудрости [там же]. В этой связи важно отметить, что и в природу библейской *Хохмы-Премудрости* включено «веселье». В Библии в её уста вложены такие слова: «... Я была при Нём [Боге] художницею, и была *радостью* всякий день, *веселясь* пред лицом Его во всё время, / *Веселясь* на Земном кругу Его, и *радость* моя была с сынами человеческими» (Книга Притч 8:30-31).

Лингвист-хохмящий надевает «маску комика», и его первое «Я» отодвигается на второй план, а его второе «Я» демонстрирует возможность играть с адресатом в комические языковые игры, основным принципом которых является нарушение норм. При этом Лингвист-юморист имеет безусловный запас лингвистических знаний, остроумия

и неисчерпаемой креативности. Его творения базируются на творчестве как мастерстве, имеющем воздействующую основу. Это – целевая деятельность, связанная с практикой и активностью, предметом которой часто является интеллектуальный юмор, а средствами его достижения – языковые игры. Целевым результатом комического творчества лингвиста выступает оценка – смеховая реакция адресата на шутку. Игровая стихия, свойственная комическому духу лингвистов-шутников, наделяет их комические тексты всеми формами комического, при этом наблюдаются явные *языковые эксперименты* лингвиста-шутящего. Можно привести остроумные спонтанные «цитаты» преподавателей Российского государственного института русского языка им. А.С. Пушкина: Е.А. Кравченко: *«Если останешься филологом, будет на что жить в старости! Будешь распродавать библиотеку!»* Ю.В. Роговневой: *«Мы потеряли свою наивность, когда пришли на филфак».* *«Какие же это дифтонги, если один из них гласный, а другой – убогий аппроксимант?»* Н.К. Рязанова: *«А где она? – Болеет. – Болеет... Это называется усталостью от высшего образования»* (из Интернета).

2.2. Креативность и остроумие ученого-лингвиста

Продуктивность творчества лингвиста-юмориста выражается в выявлении проблемы, которая будет освещена с юмористической точки зрения с помощью вербальных и невербальных образований. Обе формы являются художественно-экспрессивными. Одним из средств создания экспрессивности юмористического текста можно считать недосказанность, подтекст, ассоциативность и, следовательно, установку на восприятие и интерпретацию комического. Выделяя особые черты лингвиста-шутника – творческое начало, остроумие – отметим, что креативность является нешаблонным подходом, для его проявления необходим талант. Поэтому творческое мышление отличается оригинальностью, особенно языковой игрой. Креативность – «способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации» [Большой психолог. словарь 2009: 119]. Креативность выражается в способности к синтезу, это некая комбинаторная игра, где интеллект не тождествен креативности. Креативная личность – особое личностное качество, позволяющее эффективно заниматься творческой, созидательной, новаторской деятельностью. Под деятельностью понимается формирующая активность человека, которая проявляется в материально-преобразующей общественной практике. Практика включает в себя субъективный момент, она производна от человека, является его проявлением и действительностью [Брандес 1988: 76]. Это – творчески-преобразовательная мыслительная деятельность, конструктивный способ мышления. Креативный лингвист – это: 1) смелый человек, который пробует новое; 2) интуиция плюс логика; 3) отличное чувство юмора; 4) ему интересен сам процесс, а не результат; 5) любит искать новое; 6) всегда в поиске ответов, знаний, идей. Ученый-шутник – это творчество, связанное с образованностью: можно разглядеть проблему под разными углами, увидеть её в парадоксальном, пародийном свете. Его активность как юмориста связана, прежде всего, с индивидуальным, персонифицирующим характером личности, в форме его «голоса».

Неотъемлемая черта лингвиста-шутника – остроумие. Словарь Вебстера так определяет это понятие: “Wit implies intellectual brilliance and quickness of perception combined with a gift for expressing ideas in any entertaining often laughter provoking, pointed way, usually connoting the unexpected or apt turn or idea and often suggesting a certain brittle of unfeelingness [Webster’s Third New International Dictionary 1987: 2625]. Как правило, остроумие присуще человеку, отличающемуся острым умом и чувством юмора, т.е. личности, способной подмечать в окружающих ее явлениях комические стороны, эмоционально на них откликаться и, главное, фиксировать различные противоречия и давать им оценку с комической стороны. Развитое мышление, ироничное отношение и действительности, мгновенная реакция – это далеко не все черты, которыми должен обладать лингвист-юморист, чтобы его можно

было назвать остроумным. Человек с хорошим чувством юмора способен понимать и производить юмор, видеть смешное в ситуациях, людях, диалогах и т. д. Остряк и остролов в этом случае – слова-синонимы: такая личность создает неподражаемые шедевры юмора на основе знания лингвистических техник, литературоведческих теорий, философских обобщений.

Остроумие лингвистов ассоциируется с комизмом, симпатией, благожелательностью, «основанными на интеллекте, юморе, сарказме» [Wickberg 1998], игре слов. Лингвистический юмор отличается необычайным шармом – ведь его творят языковеды. Формы лингвистического юмора – игры в язык и с языком: это и этимологические мифы, и научные пародии (нередко представляющие собой смелое вторжение в пока неизведанные области языкознания), и лингвистические коллажи, и «переводы», и «афоризмы», и каламбуры, и представленные в широком ассортименте стишки [Лингвисты шутят 2009: 5]. Через *языковую игру* реализуются лингвокреативные потенции Homo Loquens, который аргументирует свой юмор различными языковыми формами: *не лыком shit* (межъязыковая омофония); *stupididiot* (опущение одного из двух идущих друг за другом одинаковых слогов); *papucas papucasy – друг, товарищ и корм* (трансформированные пословицы); «Проваливай!» – *буркнул студент экзаменатору* (каламбур); *один мальчик женился на старушке, а когда он умер, ей досталось всё его состояние* (парадоксы); *на ногах ногти, на руках – рукти* (словообразовательное балагурство); *что же Вы так убиваетесь?* (эффект обманутого ожидания) и др. [Шаховский 2008: 354]. Б.Ю. Норман в книге «Игра на гранях языка» отмечает, что «игра для человека – не просто отдых и развлечение, это *интеллектуальная разрядка* (выделено нами – В.С.) и одновременно тренинг: играющий как бы примеряет на себя разные роли и маски, вырабатывает определенные навыки и умения, которые могут ему в жизни пригодиться [Норман 2012: 7].

2.3. Лингвистический юмор лингвиста-шутника

У лингвистического юмора есть и другая сторона – он позволяет увидеть нам *известных людей в науке в новом, необычном ракурсе*: они обладают чувством юмора и хорошо развитым интеллектом, творческим мышлением. Их шутки отличаются, кроме юмора, самоироничностью, сатиричностью и остроумием. К особенности юмора лингвистов следует отнести фокусировку адресата не только на понимание шутки, но и её генерацию, более глубокий когнитивный, концептуальный анализ, позволяющий в юмористической, эмоциональной форме получить дополнительные знания о представленной теме. Проф. М.А. Голденков в серии «Живой английский» настолько креативно описал идиомы, что его книжка «Юмор и ирония» сразу же стала бестселлером, а процесс запоминания идиоматических выражений – результативным. Ученым разработаны нетривиальные, инновационные методы, которые успешно внедрены в педагогическую практику: «диалог», который ведет ученый со студентами, имеет активно ответный характер (Приведу пример из книги:

Irons in the fire n. phr. – *это вовсе не утюги в огне, а «ковать железо пока горячо», «не отходя от кассы»: Mick had a number if irons in the fire and he kept all of them hot. Это предложение не переводится, как Мик держал несколько утюгов в огне и не давал им остыть (Сразу вспомнился анекдот про Штирлица и девять утюгов на подоконнике – знаке провала явочной квартиры). Это значит, что он взялся за несколько дел и успешно их выполнял. Иносказательно – погнался за тремя зайцами, двух поймал, а третьего загнал на дерево) [Голденков 2005: 49].*

Овладению мастерством общения на английском языке также обучает студентов проф. И.П. Тарасова, которая в качестве пояснений уместно использует шутки как варианты речевых высказываний [Тарасова 1992]:

К. Паустовский рассказывает, как однажды некий генерал, командовавший захолустным гарнизоном, хотел поприветствовать киргизов на их родном языке. Громовым голосом он гаркнул с высоты разъяренного жеребца, на котором он вылетел на парад:

– Здорово, саксаулы!

Киргизы испугались. Весь город потом несколько дней помирал от хохота [там же: 37].

Ученые-шутники часто писали «комические мемуары» – воспоминания о смешных ситуациях, которые происходили с их коллегами-лингвистами. В этой связи уместно привести слова акад. Д.С. Лихачева о том, что хранить память о других – это оставлять добрую память и о себе. Например, Л.Н. Столович приводит следующую байку о Ю.М. Лотмане «Юрий Михайлович шутит»: *Юрий Михайлович Лотман проявил себя в отношении к юмору. Он был необычайно остроумным человеком. Его остроумие было органичным, оно проявлялось в различных ситуациях, подчас отнюдь не веселых. Вместе с тем, в его юморе был заряд удивительного чувства жизни и критического отношения к тому, кто этого заслуживает. Мне посчастливилось знать Юрия Михайловича четыре десятилетия и среди того, что сохранилось в памяти, имеется несколько эпизодов, которые высвечивают его и без того светлую личность с необычной стороны. Впрочем, если бы он услышал о себе словосочетание «светлая личность», он бы не преминул пошутить. К себе он относился тоже шутливо. В его талантливых рисунках преобладают автошаржи. Однажды, придя к нему, я увидел иронический автопортрет, изображенный... повешенным на веревке, другой конец которой был прикреплен через перекладину к большой плите. И надпись: «Повесился на Блоке». Крупнейшая специалистка по творчеству Блока незабвенная Зара Григорьевна Минц, жена Юрия Михайловича, озорно улыбаясь, разводила руками... [Евреи шутят 2009: 325–326].*

Ученые-лингвисты стремятся к юмористическому общению, хотя бы поделиться шуткой, не боясь потерять репутацию. Примером может служить следующий лимерик:

«Известный лингвист из Америки

Для хохмы собрал все лимэрики.

Он охал, стонал и так хохотал,

Что смерч разразился в Америке».

Юмор в лингвистике необходим, чтобы в речи увидеть язык, поэтому не случайно язык и является главным персонажем многих юмористических произведений ученых-лингвистов. В большей части профессиональных шуток юмор основан на различных – синтаксических, ситуационных и омонимических – вариациях. По мнению Р. Коссера, «функции шуток, отграничивающих специфическую сферу деятельности от обыденной жизни, аналогичны функциям этнического юмора; углубляя процесс самоидентификации, социальная группа отделяет себя от других групп. Подобно тому, как представители средневековых цехов узнавали друг друга по определенным условным знакам и жестам, современные профессионалы узнают друг друга, в том числе, и по специфическим шуткам [Coser 1960: 81]. Так, Ю.Б. Борев, специалист по комическому, был собирателем анекдотов, отличавшихся историческими фактами с остроумными концовками: *В Союзе писателей за пьянство прорабатывают молодого поэта. Он оправдывается:*

– Толстой пил, Достоевский пил, Некрасов пил, Моцарт пил...

Кто-то интересуется:

– А что пил Моцарт?

Светлов отвечает:

– А что ему Сальери наливал, то и пил [Борев 1996].

Понятие «лингвисты шутят» можно считать формой карнавальной традиции, в основе которой – очеловеченность, направленность на персону, которая вступает в коммуникацию, становясь одной из сторон диалога. Человек – объект смеха, в котором присутствует критическое начало. Лингвисты и литераторы более, чем кто-либо другой способны

«преподнести» шарм шутки, ибо обладают художественными приемами и способностью к творческой деятельности, предоставляя адресатам эмоционально-развлекательные тексты. Проф. В.В. Мартынов сочинял лингвистические анекдоты. Вот некоторые из них: *«Собрались родственники умирающего в ожидании телеграммы. Терпение их постепенно истощается, и они первыми посылают телеграмму: «Он уже умер?» В ответ приходит телеграмма: «Уже нет» [Лингвисты шутят 2009: 81]. Или: Английское выражение “Out of sight, out of mind”, соответствующее русскому «С глаз долой, из сердца вон», переводится автоматически (с помощью компьютера) на русский язык, а затем осуществляется обратный перевод. В результате получаем: «Blind idiot – Слепой идиот» [там же].*

В юморе лингвистов отсутствует скучный академизм. Это – образцы остроумных курьезов, казусов, шуток из жизни самих ученых и их коллег. В яркой афористической форме доносят реципиенту далеко не всегда простые истины. Поражает эрудиция этих людей, которые в парадоксальной форме освещают проблемы, которые их волнуют и несут на себе отпечаток личности автора, представляя собой своеобразный юмористический, иронический, саркастический идиодискурс отдельной интеллектуальной личности. Примером может служить уникальная книга проф. Ю.А. Зацного «Из жизни выдающихся людей: были, легенды, анекдоты, мысли»: 1) О Шекспире: *«Пропал Шекспир для многих поневоле, коль задавали его в школе»;* 2) О Диогене: *– Видать дошел чудака до точки, коль жизнь провел он в винной бочке. – Нет, он разумным был вполне. – Он знал, что истина в вине [Зацный 2014: 24];* 3) О Людовике XIV, французском короле: *Его, вдобавок, в стихоплетство занесло. – Он показал плоды поэту Буало. «Вы доказали, сир, уже в который раз: Нет невозможного чего-нибудь для вас: Стихи плохие захотела ваша милость. – И как у вас чудесно получилось!» [там же: 112]*

Профессиональный юмор объединяет людей, связанных с различными проблемами, в том числе с проблемами изучения языка. Этот юмор будет понятен специалистам. Обыгрывание профессионального стиля ученого, пародийность, гротесковость является одной из сторон его лингвистического юмора. Лингвист – это личность пишущая, которой присущи следующие *дискурсивные характеристики*: интеллектуальность, творчество, эмоциональность, высокий уровень самооценки, стремление развлечь, рассмешить. Следует заметить, в списке лингвистов-юмористов – исключительно мужчины среднего возраста, имеющие большой профессиональный и социальный опыт и тенденцию к использованию всех видов комического.

Неожиданность и новизна – важные компоненты юмора [Самохина 2012: 70]., который предполагает изменение точки зрения, новый взгляд на вещи [Мартин 2009: 130]. Б.Ю. Норман создал уникальный «Энтимологический словарь» шуточных псевдотолкований: *Графин – муж графини, а муж мухи – мухомор?* [Норман 2012: 292]. Языковой карнавал высмеивается и в удачно подобранных шутках-играх профессора А.Н. Приходько: *«Дипломат – два раза подумает перед тем, как ничего не сказать; Интеллигент – человек, думающий о людях лучше, чем они о нем; Животное – не такая скотина, как человек; Пареная репа – голова после сауны; Холостяк – мужчина, которому удалось не найти жену».* Или анекдот: *Привоз. По рядам ходит мужчина с бумажкой. – Мужчина, вы забыли купить лук! – Но у меня лук не записан. – Так идите до меня, я вам допишу!* (из переписки по e-mail). Инконгруэнтность, которая обычно вызывает юмор, нарушение языковых норм касается в шутках филологов забавных высказываний или действий людей: *«Хоть смеялся я громче всех, но от смеха под парту съехал, потому что бесшумный смех – самый сильный из всех смехов»* (О. Григорьев [цит. по: Береговская 2009: 72]).

Шутка как вид комического занимает особое место в творчестве лингвистов-шутников. Она – проста, незатейлива, краткая, а, главное, поучающая и развлекающая. Все знакомы с экстравагантными лингвистическими эмотивными образованиями вроде истории о «глокой куздре» академика Л.В. Щербы или «пуськах бятых» Л. Петрушевской. Л.В. Щерба

предложил студентам разобрать следующее предложение по частям речи: «Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрычит бокрѣнка». Помимо «грамматической» направленности данного предложения, оно подано в форме комической языковой игры, выраженной абсурдной вымышленной лексикой. Л. Кэрролл, которого можно причислить к рангу замечательных лингвистов, писал также про «*slithy toves*» и «*colorless green ideas sleep furiously*». Проезжая по России, Л. Кэрролл записал русское слово «защипцающихся» (*those who protect themselves*, как он пометил в дневнике). «Английскими буквами вид этого слова вызывает ужас... *Zashtsheeshtshayoyshtsheekhysya*. Ни один англичанин или американец это слово произнести не в состоянии», – отмечает автор.

2.4. Дискурсивные характеристики шутящего лингвиста

Характерной чертой юмора лингвистов является самораскрытие. Каждый из них предстает как уникальная комическая личность, представляющая *свой* неповторимый арсенал стилистических приемов для создания комической ситуации. Проф. А. М. Калюта придумал языковые игры с именами собственными: *Член французского правительства Жаль Враньё; югослав Радибога Заспасибович; китаец Лень Встао; африканец Мбаб Намб Мбы; вьетнамец Нгуен Вряд Ли; чехи пан Выкакал и пани Взбздичкова* [Лингвисты шутят 2009: 131–132].

Представление о юморе как о когнитивной игре может обеспечить концептуальные рамки для размышлений о взаимодействии когнитивных, эмоциональных и социальных элементов. Когда мы участвуем в юморе, мы играем с языком и идеями (схемами, сценариями) почти так же, как дети (и взрослые) играют с физическими объектами, исследуя новые и необычные способы их использования и наслаждаясь ими [см. подр. Мартин 2009: 138]. Р.Г. Ткаченко (Муха) (доцент кафедры английской филологии ХНУ имени В. Н. Каразина) имела «редкий дар извлекать смех из самых простых и, казалось бы, давно знакомых слов» (Вл. Лазарис). В. Шендерович отмечал: «У Ренаты – свежий взгляд на мир и детская радость от хорошего звукоизвлечения»:

1) *Бывают в жизни чудеса –*

*ужа ужалила оса,
ужалила его в живот,
ужу ужасно больно.*

Вот.

2) *Жили в одном коридоре Калоши. Правый дырявый и левый хороший.*

Отметив лингвистический талант Р. Мухи, Б. Заходер написал: «Рената, пожалуйста, относитесь серьезнее к тому, что Вы делаете – оно этого вполне заслуживает». Юмористическое несоответствие рассматривается как проявление этой игры с идеями, где слова и понятия используются неожиданными, необычными и нелепыми способами, активизируя схемы, с которыми они обычно не связаны. Игровое использование нескольких когнитивных схем называется «синергией» [Apter 1982]. В этой деятельности есть что-то в своей основе приятное, когда мы находимся в игривом, несерьезном настроении. Это способ творческой игры с когнитивными механизмами, которые мы обычно используем в «более серьезных» контекстах для осмысления окружающего мира: Ср. «Стихи о плохой погоде» Ренаты Мухи:

Часть 1.

*Стояла плохая погода,
На улице было сыро.
Шел человек по городу
И ел бутерброд без сыра.*

Часть 2.

Стояла плохая погода,

На небе луна погасла.
 Шел человек по городу
 И ел бутерброд без масла.

Часть 3.

Стояла плохая погода,
 Сердито хмурилось небо.
 Шел человек по городу
 И ел бутерброд без хлеба.

Проф. А.М. Калюта представил «Современные японские хокку»: 1) *Мне передали: «Декан вызывает тебя». Видно, скучает».* 2) *«Около ГУМа барыга Сакуру мне предлагал, йены прося. Где взять?»* 3) *«Ласковый сын в разговоре Мать поминает японскую. Блин».* 4) *«Что-то на клев плоховато реагирует мой поплавок. Видно, цунами мешают»* [Лингвисты шутят 2009: 127–128].

Проф. И.А. Мельчук в «Супплетивологических этюдах об одном лексикоитонематическом казусе в современном французском» приводит эпизод с профессором А. Реформатским: *«Кстати сказать, в свете вышеизложенных соображений приходится пересмотреть следующую любимую загадку-шутку, которую А. Р. неоднократно предлагал своим ученикам, сотрудникам и коллегам. Некто посылает из командировки домой такую телеграмму: «Шесть щек целую толстого кота». Что это значит? Ответ: Сначала текст переводится на французский, что дает “Six joues baise gros chat” или в русской транскрипции, «Си жу бэз гро ша»; затем все это понимается по-русски: «Сижу без гроша». Здесь, однако, есть, как теперь ясно, существенная неточность: соответствие «целую – baise». Необходимая замена в русском тексте загадки привела бы к его нецензурности; что делать? (вопрос, который уже задавался, по крайней мере, дважды...).* Эта увлекательная проблема все еще ждет своего исследователя» [там же: 42].

3. Выводы

Можно утверждать, что способность шутить является формой творческой одаренности Linguisticus-шутника. Поданные в доступной, интересной форме рассуждения о новейших достижениях различных наук, грамотно представленная терминология, обилие запоминающихся примеров способны дать адресату в изучаемой сфере большое количество материала для размышления и сопоставления данных, поддержать его в поисках истины [Сычев 2004: 3].

Юмор, по мнению Ж. Липовецки, «не позволяет индивиду слишком серьезно относиться к себе... Юмор устраняет причины трений, в то же время утверждает индивидуальную оригинальность» [Липовецки 2001: 210]. Интеллектуальное остроумие и юмор ученых-лингвистов расширяет кругозор человека, повышает общую культуру – это диалогичный и полифоничный феномен, это понимание культурных ценностей, традиций всего того, что имеется в обществе. Homo Lingualis применяет лингвистические приемы, комические жанры, типы комического, освещая различные стороны человеческой жизни, модели поведения, типы личности. Язык лингвиста-хохмящего – постоянное творчество, изощренность мысли, выражение самосознания ученого. Это – изобретательность в нахождении удачных, ярких, красочных или смешных выражений. Лингвист не только описывает общество, но и дает ему оценку, важную для понимания сущности социокультурных процессов и карнавального начала смеха. Можно с уверенностью сказать, что креативность ученых является важным фактором человеческого прогресса.

Концептуальное ядро заявленной темы может служить основой для **дальнейших изысканий** в области данной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1965. – 527 с.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.
3. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях / Э.М. Береговская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 36 с.
5. Большой психологический словарь / Под. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М. : СПб, 2009. – 816 с.
6. Боров Ю.Б. Из жизни звезд и метеоритов. Предания, анекдоты, занятные истории из жизни знаменитых актеров, писателей, спортсменов и политиков XX века / Ю.Б. Боров. – М. : Рипол, 1996. – 551 с.
7. Брандес М.П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) : учеб. пособие / М.П. Брандес. – М. : Высш. школа, 1988. – 127 с.
8. Гете В. Статьи и мысли об искусстве / В. Гете. – М. : Искусство, 1936. – 576 с.
9. Голденков М.А. Юмор и иронии / М.А. Голденков. – М. : ЧеРо, 2005. – 208 с.
10. Евреи шутят. Еврейские анекдоты, остроты и афоризмы, собранные Леонидом Столовичем. – [5-е изд.]. – Тарту – СПб, 2009. – 336 с.
11. Зацный Ю.А. Из жизни выдающихся людей: легенды, анекдоты и были / Ю.А. Зацный. – Запорожье : Запорож. нац. ун-т, 2014. – 248 с.
12. Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – Вып. V: Исследования познавательных процессов в языке : сб. науч. тр. – М. : Институт языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 158–171.
13. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «английский чужак» / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. – М. : Гнозис, 2006. – 240 с.
14. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 350 с.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 246 с.
16. Левчук Л.Т. Психоаналіз: історія, теорія, мистецька практика : навч. посібник / Л.Т. Левчук. – К. : Либідь, 2002. – 255 с.
17. Лингвисты шутят / [сост. А.К. Киклевич]. – [2-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 216 с.
18. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – М. : Прогресс, 2001. – 330 с.
19. Мартин Р. Психология юмора / Р. Мартин ; пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. – СПб. : Питер, 2009. [Серия «Мастера психологии»] – 408 с.
20. Маховская О.И. Коммуникативный опыт личности / О.И. Маховская. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 253 с.
21. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – [2-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 344 с.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т русс. языка им В.В. Виноградова. – [4-е изд., доп.]. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
23. Самохина В.А. Карнавальний діалог(изм) / В.А. Самохина // Шостий міжнар. наук. форум. Сучасна англїстика : До 85-річчя кафедри англійської філології : тези доп. ; за ред. В.О. Самохіної. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 123–125.

24. Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії та США : монографія / В.О. Самохіна. – [Вид. 2-е, перероб. і доп.]. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 360 с.
25. Семёнова Е.А. Актуализация карнавальных процессов в период кризиса культуры (на примере субкультуры студенчества) / Е.А. Семёнова // Проблемы современного образования. – № 5, 2013. – С. 149–158.
26. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О.Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 144 с.
27. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах / В.С. Соловьев. – Т. 2. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
28. Столович Л. Философия. Эстетика. Смех / Л. Столович. – СПб. : Тарту, 1999. – 384 с.
29. Сычев А.А. Смех как социокультурный феномен : дис. ... доктора филол. наук : 7.400.01 / А.А. Сычев. – Саранск, 2004. – 362 с.
30. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез : пособие по самообразованию. – М. : Высш. школа, 1992. – 175 с.
31. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
32. Apter M.J. The Experience of Motivation: The Theory of Psychological Reversals / M.J. Apter. – London : Academic Press, 1982. – 267 p.
33. Coser R.L. Laughter among colleagues. *Psychiatry* / R.L. Coser. – 1960. – №23. – P. 81–95.
34. Webster's Third New Dictionary. – Springfield, Mass. : Merriam, 1986. – 2662 p.
35. Wickberg D. The senses of humour: Self & laughter in modern America / D. Wickberg. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1998. – 416 p.

REFERENCES

- Apter, M.J. (1982). *The Experience of Motivation: The Theory of Psychological reversals*. London: Academic Press.
- Bahtin, M.M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Rennsansa [Work of François Rabelais and folk culture of Middle Ages and Renaissance]*. Moscow: Hud. lit. Publ.
- Bahtin, M.M. (2000). *Jepos i roman [Epos and novel]*. St. Petersburg: Azbuka Publ.
- Beregovskaja, Je.M. (2009). *Stilistika v podrobnostjah [Stylistics in detail]*. Moscow: «LIBROKOM» Publ.
- Bogin, G.I. (1984). *Model' jazykovej lichnosti v ejo otnoshenii k raznovidnostjam tekstov. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Model of language personality in its relation to heterogeneity of texts. Dr. philol. sci. diss. synopsis]*. Lviv (in Russian).
- Meshherjakov, B.G., and Zinchenko, V.P. (Eds.). (2009). *Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Big psychological dictionary]*. Moscow: Biblio Publ.
- Borev, Ju.B. (1996). *Iz zhizni zvezd i meteoritov. Predanija, anekdoty, zanjatnye istorii iz zhizni znamenityh akterov, pisatelej, sportsmenov i politikov XX veka [From the life of stars and meteors. Legends, anecdotes, amusing stories from the life of famous actors, writers, sportsmen and politicians of the XX century]*. Moscow: «Ripol» Publ.
- Brandes, M.P. (1988). *Stil' i perevod (na mat-le nemeckogo jazyka) [Style and translation (based on the German language)]*. Moscow: Vyssh. shk. Publ.
- Coser, R.L. (1960). Laughter among colleagues. *Psychiatry*, 23, 81–95.
- Stolovich L.N. (2009). *Evrei shutjat. Evrejskie anekdoty, ostroty i aforizmy, sobrannye Leonidom Stolovichem [Jews joke. Jewish anecdotes, witticisms and aphorisms collected by Leonid Stolovich]*. St. Petersburg: Tartu Publ.
- Gete, V. (1936). *Stat'i i mysli ob iskusstve [Articles and thoughts about art]*. Moscow: Iskusstvo Publ.
- Goldenkov, M.A. (2005). *Jumor i ironija [Humour and irony]*. Moscow: CheRo Publ.

- Irishanova, O.K. (2009). O ponjatii kreativnosti i ego roli v metajazyke lingvisticheskikh opisaniy [About the notion of creativity and its role in the metalanguage of linguistic descriptions]. In: E.S. Kubrjakova (Ed.). *Issledovanija poznavatel'nyh processov v jazyke: Sb. nauch. tr. [Studies of cognitive processes in language: a collection of scientific works]* (pp. 158–171). Moscow: Institute of linguistics RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina Publ.
- Karasik, V.I. (2010). *Jazykovaja kristallizacija smysla [Language crystallization of sense]*. Moscow: Gnozis Publ.
- Karasik, V.I., and Jarmahova, E.A. (2006). *Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak» [Linguistic-cultural type “English odd fellow”]*. Moscow: Gnozis Publ.
- Karaulov, Ju.N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and language personality]*. Moscow: Nauka Publ.
- Levchuk, L.T. (2002). *Psihoanaliz: istorija, teorija, mistec'ka praktika [Psychoanalysis: history, theory, artistic practice]*. Kyiv: Lybid' Publ.
- Kiklevich, A.K. (Ed.). (2009). *Lingvisty shutjat [Linguists joke]*. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
- Lipovecki, Zh. (2001). *Jera pustoty. Jesse o sovremennom individualizme [Epoch of emptiness. Essays on modern individualism]*. Moscow: Progress Publ.
- Mahovskaja, O.I. (2010). *Kommunikativnyj opyt lichnosti [Communicative experience of a personality]*. Moscow: «Institut psihologii RAN» Publ.
- Martin, R. (2009). *Psihologija jumora [Psychology of humour]*. St. Petersburg: Piter Publ.
- Norman, B.Ju. (2012). *Igra na granjah jazyka [Game on the language verges]*. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
- Ozhegov, S.I., and Shvedova, N.Ju. (1992). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian Language Explanatory dictionary]*. Moscow: Az Publ.
- Samokhina, V.O. (2015). Karnaval'nyj dialog(izm) [Carnival dialog(ism)]. *Shostij mizhnar. nauk. forum. Suchasna anglistika: Do 85-richchja kaf. angl. fil. Tezy dop. [Proc. 6th International Sci. Forum. Modern English Studies: On the occasion of the 85th Anniv. of the Dep. Of Eng. Phil.]*. Kharkiv, 123–125.
- Samokhina, V.O. (2012). *Zhart u suchasnomu komichnomu prostori Velikoji Britaniji ta SShA [Joke in the modern comic space of the Great Britain and the USA]*. Kharkiv: V.N. Karazin Kharkiv National University Publ.
- Semjonova, E.A. (2013). Aktualizacija karnaval'nyh processov v period krizisa kul'tury / na primere subkul'tury studenchestva [Actualization of carnival processes in the period of the crisis of a culture / case-study of the student subculture]. *Problemy sovremennogo obrazovanija. – Issues in Modern Education*, 5, 149–158 (in Russian).
- Shahovskij, V.I. (2008). *Lingvisticheskaja teorija jemocij [Linguistic theory of emotion]*. Moscow: Gnozija Publ.
- Sirotinina, O.B. (1974). *Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti [Modern colloquial speech and its specific features]*. Moscow: Prosveshhenie Publ.
- Solov'ev, V.S. (1989). *Sochinenija v 2-h tomah [Works in 2 volumes]* (Vol. 2). Moscow: Pravda Publ.
- Stolovich, L. (1999). *Filosofija. Jestetika. Smeh. [Philosophy. Esthetics. Laughter]*. St. Petersburg: Tartu Publ.
- Sychev, A.A. (2004). *Smeh kak sociokul'turnyj fenomen. Dis. dokt. filol. nauk [Laughter as a social-cultural phenomenon. Dr. philol. sci. diss.]*. Saransk (in Russian).
- Tarasova, I.P. (1992). *Rechevoje obshchenije, tolkujemoje s jumorom, no vs'er'jes [Speech communication interpreted with humour but seriously]*. Moscow: Vyssh. Shk. Publ.
- Webster's Third New Dictionary*. (1986). Springfield, Mass.: Merriam.
- Wickberg, D. (1998). *The senses of humour: Self & laughter in modern America*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Zacnyj, Ju.A. (2014). *Iz zhizni vydajushhihsja ljudej: legendy, anekdoty i byli [From the life of outstanding people: legends, anecdotes and true stories]*. Zaporozh'e: Zaporozh'e National University Publ.

Самохина Виктория Афанасьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: 57vic@mail.ru

Samokhina Victoria Afanasyevna – doctor of philological sciences, professor, head of the English Philology Chair, V.N. Karazin Kharkiv National University (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: 57vic@mail.ru